

Виктор Коняев

Новокузнецкий прозаик, публицист.

Родился 18 февраля 1952 года в Новокузнецке.

Учился в Томском университете, а также на литературном факультете Новокузнецкого педагогического института.

Работал на шахте. Свыше пятнадцати лет трудился газосварщиком в цехе изложниц на Западно-Сибирском металлургическом комбинате. В августе 2019 года вышел на пенсию.

Писать начал сравнительно недавно. Творческий дебют был на страницах газеты «Эхо Кузбасса» и еженедельника «Кузнецкий тракт». Потом были публикации в других периодических изданиях: в журнале «Огни Кузбасса», в газете «Кузнецкий рабочий».

За короткое время изданы восемь книг.

Виктор Фёдорович Коняев пишет повести, рассказы, очерки – художественная проза, автобиографический жанр, публицистика.

Был членом новокузнецкого литературного объединения «Гренада».

Презентации книг проходили в библиотеке имени Н.В. Гоголя г. Новокузнецка.

Член Союза писателей России.

Награждён медалью «За веру и добро» за сборник рассказов «Глаза, распахнутые в жизнь».

Живёт в Новокузнецке.

СКАТИЛОСЬ СОЛНЦЕ ВО СЛЕЗЕ

Шахтёрская повесть

«...И началась работа»

...Наряд проводил сам начальник проходческого участка Котов. Видно, из шахты вышел, в рабочем. Челость нижняя монолитом базальтовым украшает лицо. Суров мужик, строг, но кто пашет, тех уважает и ценит.

Звено его всё на месте, сидят рядышком. Лёха Столяров, мужик за тридцать, одутловатый, в постоянной щетине. Рядом бригадир Иван Лукич Крутилин, ему поболее сорока, всю трудовую жизнь в шахте, ширококул, седоват и с шарфом из натуральной, собственнорощеной шерсти.

Когда Пашка его первый раз увидел, так и подумал, что это шарф на шее какого-то странного цвета. В мойке разглядел: тело у бригадира мускулисто и волосато в меру (чью, какую?), а верх груди и шея заросли такими дёбрями до линии скул, выше брито, а вот ниже густые завитки серого цвета слились в джунгли; шарф же он никогда не носил, значит, своя шерсть грела хорошо...

Начальник говорил о плане, метрах – рутина. Закругляется, пора на смену.

Мойка в другом крыле здания. В чистом отделении скидаешь одежду, на плечики вешаешь рубашку, брюки и прочее нижнее, в родильном виде шествуешь в рабочее...

ГЛАВЫ из КНИГИ

«Когда же я рубашку отнесу домой и постираю?». Неприятно надевать высохшую, но ставшую хрусткой от потовой соли и с белыми её узорами на ткани.

Сапоги у Павла кирзовые, хотя большинство носит резиновые... Промокают ноги в кирзаках, зато потом ревматизм не искрутит их. К тому же, меньше шансов остаться без сапог: шахтеры чаще всего взаимообразят друг у друга хорошие резиновые обувки и подкаски.

Оделся, обулся, получил самоспасатель – цилиндр с ладонь в округе и почти в локоть длины, на ремне; светильник, аккумулятор к нему на брючный ремень за спину; фонарь со шнуровым кабелем закрепил на каску; залил во фляжку горячего чаю – ну, с Богом, слава...

Из комбината выходишь по ступенькам вниз, и рядом – сигарету только выкуришь – руддвор. Кстати, надо спрятать парочку сигареток, в бумажку завернутых, в расщелину кирпичной стены двора. У них не в шахте даже, в руддворе закуришь – посадить могут, шахта сверхкатегорийная по взрывоопасности.

Смену отпашешь, выедешь на гора – как сладко затянуться заныченной сигаретой, до головы кружения...

В рудном дворе темновато и днём. К стволу рельсы подходят, последний пролёт – метра три до решетчатой дверцы, ограждающей ствол, – вздыблен градусов на двадцать пять. Пока клеть не поднимется и не зафиксируется концевым выключателем, подойти к стволу нельзя. Так было не всегда, года за два до нынешнего дня проще всё делалось и опаснее... Зима, в рудворе прорыв паровой трубы – паро-морозный настой заполнил подход к клетю. Бригады идут на смену. Первый открывает дверцу... ушёл в ствол. Второй – за ним. Третьего следующий, почуяв неладное, ухватил за фуфайку. Так двое и полетели полкилометра вниз, упали кусками отбитого мяса на крышу находящейся внизу клетки. Только после того страшного случая и задыбили рельсы перед стволом. Извечная наша безалаберность...

В клеть, коробуху железную пара метров на пару, набилось с десятков шахтеров, поехали вниз. Мужики сидят, стоят, зубоскалят. Стены у клетки не сплошные, от пола до дырчатого металлического листа просвет, голову не просунешь, а вот от листа до потолка не только голова пролезет.

Рассказывают, был случай. Так же ехали шахтёры, только со смены, вверх. Разговаривали, шутили. Везли с собой инструмент, лом одним концом высовывался за клеть. Прямо посередь разговора что-то скрябануло, мелькнуло... Едут дальше. А мужика одного нет: лом цапнул за одежду, упершись во что-то за клетью, и выкинул в просвет шахтёра; нашли внизу, в зумпфе, приямок такой ниже ствола.

В газете Паша читал: в Польше шахтёр упал в ствол – тоже полкилометра лёту. Так он исхитрился развернуться в воздухе, поймать трос руками и по нему съюзить донизу. Ладони до костей состругал тросом, а жив остался. Интересно... Он, скорее всего, до шахты работал в цирке акробатом. Что-то наши ребята, кто упал, никто за трос не смог уцепиться. Не до того, видно, было...

Шахтовый лифт плавно остановился на нижней отметке.

* * *

Чем подземный квершлаг не метро?! Лампы дневного света имеются, высота под три метра, перекрыт бетонными затяжками, под кровлей идут трубы пожарного става, кабеля, внизу рельсы вагонеточные и дощатый тротуар...

До забоя их звену топать минут двадцать. Справа ответвление, электровозное депо. Свернули с квершлага налево. Начинается восточно-полевой штрек – выработка, кото-

рую они введут. Здесь не метро, и света нет у кровли, единственный источник – фонарь на каске. Знаком уже каждый выступ в выработке, каждая доска в тротуаре. Ага, вот здесь... Шёл Паша один, навстречу топот кавалерийский. Он включил дальний свет, смотрит вдаль: кто там галопирует навстречу? Крыса!.. Да нагло так прёт, не сворачивая. Вообще-то, поведение её понять можно. Шахтовые крысы живут всю жизнь во тьме – когда им светишь в мордочку, они слепнут и бегут наобум. Вот и эта, идёт на таран, рубиново горят бусины глаз. А, н'а тебе – сапогом по мордасам! Смотри-ка, ещё недовольство выказывает, визжит ворчливо. Ну, онаггелели, заразы, тротуар не уступают...

Умные они животины, наблюдал Паша за ними. Первые месяцы, будучи учеником, сиживал на моторе. Закуток, выступочка в штреке, кнопки, телефон – запускаешь и выключаешь конвейер, по нему уголёк шелестя катится на-гора. Бывало, грешен, закемаришь под сноспособствующий шум ленты, а свет для лучшего закрытия глаз выключаешь. Забутовка в кармане фуфайки начинает шевелиться, спросонья руку туда – рука уцепляет нечто изворотливое и вёрткое, которое выпрыгивает из кармана, унося в зубах колбасу.

И что интересно – хлеб не едят из принципа, совсем. Шахтовая разновидность крыс – аристократки, это вам не помоечные побирušки, жрущие картофельные очистки. Этим подавай колбаску, лучше краковскую, докторская сойдёт. Сало – с удовольствием, котлеты – без аппетита. А хлеб – ребята, за кого вы нас держите... Забутовку в шахте прятать бесполезно, все равно найдут, раздербанят. Так что обед подземный держать надо за пазухой, в кармане или прямо на рабочем месте, а лучше съесть сразу, от греха.

Пашка работал на моторе, проводил эксперимент. Привязывал к трубе пожарного става проволоку, заматывал ею газетный свёрток забутовки и подвешивал на метр от грунта. Свет уводил в сторону и наблюдал...

Идут, трое, по трубе диаметром 100 мм, цепочкой, размеренной трусцой. Они, кстати, так же спокойно трусят, не балансируя лапами и хвостом, по кабелю с большой палец толщиной... Подошли к месту завяза проволоки, обсудили ситуацию – и первая прыгнула. Выбить из петли добычу не удалось, сама едва не упала, но удержалась. И заработали лапы и зубы, вгрызаясь в газету. На трубе некоторые, видя столь наглое присвоение общественного продукта, попрыгали тоже на штурм стола пиршеств. Вторая прыгнувшая, в общем счёте, по-десантному – с неба и в бой – кинулась в зубохватное сражение с узурпаторшей. Третья – на них. Общая свалка, визг перекрывал шум конвейера.

Чем кончилось, он тогда не досмотрел кино из жизни животных, потому как без присмотра оставленная лента сошла на одну сторону, пришлось срочно регулировать натяжку винтами и лопатить просыпавшуюся кучу угля. По возвращении обнаружил на грунте обрывки газеты и хлеб раскиданный. Остался без питания. Ну что ж, ради эксперимента надо жертвовать улагодворением брюха...

* * *

Вдали запрыгали световые точки – чередой идёт утренняя смена их бригады. Точки растут, шпаги света от них шарят по грунту впереди, тротуар уже кончился – по бортам, ближе – по их лицам. Петро, Серёга, Андрюха, Петрович.

– Привет, орлы!
– Здорово, Лукич!
– Привет, Пашка!

Петрович с Лукичом поговорили о работе. У ребят на лицах серая накипь пыли и пота. Разошлись. Идут дальше, до забоя десятки метров. Стоит порожняк, вагонетки с затяжкой, огнивами, стойками, шпалами. Лукич – первым. Вверху глухо, деревянно по затяжкам стук, отдалось по узкому пространству.

Паша – сразу за ним, потому услышал громкие слова:

– Ой, не к добру стучит. Точно купол образовался. Вскрыть бы да забутить, а потом перекрыться бетонной затяжкой.

Не до Лукичовых слов Павлу, не обратил внимания.

А бригадир переключился на него:

– Паша, твоя-то не пожаловала?
– Нет, Лукич.
– И што, сам поедешь, в ножки поклонисься?

– Да, думаю, в выходной. Соскучился по ней и сыну.

– Соскучился – это хорошо. А всё ж таки бабе волно шибко нельзя давать. Ты ж мою Степановну видал – заметил, выучка у ей какая?

Паша гостевал у Лукича в его просторном частном доме, знаком и со Степановной. Действительно, слово мужа для неё вне обсуждения.

– Так что, если хочешь иметь крепкую семью, то имей и своё веское слово. Дождись, когда сама прискочит. А ежели первый поклонисься, то быть тебе подкаблучником и дураком, хучь ты и студент. Хотя у вас, у молодых, можа и всё по-другому. Тогда буду я дурак, хучь и старый... Всё, притопали!

Утренняя отпалила – нам убирать. Дым вытянуло, а запах аммонита устойчиво держится.

Лёха и Пета сели сразу уничтожить забутки. Лукич с Пашкой достают инструмент. Он спрятан на борту, за затяжками, прислонён

там к породе: кирка, кувалда, топор, ключи гаечные. У каждого звена свой инструмент и своё место значки.

Паша сразу никогда не обедает, а то к концу смены голод глушит все другие чувства. Он таки придумал, как обезопасить обед от крыс. Под большую глыбину киркой углубляет ямку, заваливает тоже большими кусками породы спрятанный свёрток, до обеда не успевают хищники подрывать ход и сожрать.

– Паша, глянь-ка, Пета уже сидит, оклемался.

– Да я в мойке ещё заметил, поджило.

– Ну, ничо. Пережил, не сбёг – значит, будет шахтёром... Эй, орлы, хватит пузо трамбовать, пора за работу.

И началась работа. Лукич встал за пульт трудяги пэпээмки. Пета подборкой зачищал углы, куда она не достаёт.

Пашка с Лёхой занимаются вагонетками. С порожней ветки скатывают вагонетку на поворотный круг. Да, да, красиво названо – «поворотный» и «круг»... Просто большой лист железа. На нём разворачивают пузатого металлического бегемота, вдвоём приподнимают за выступ у сцепки и ставят одну пару колёс на рельсы; потом один весом тела давит на этот выступ, второй поднимает другую сторону, и вторые колёса – на месте. Первый раз Паша глазам не верил: такую махину, и руками на рельсы?... А ничего, быстро освоил. Две вагонетки таким макаром подгоняют под гибкий отросток скребкового конвейера машины, она их нагружает. Руками толкают полные к составу, электровоз позднее увезёт. Надо и порожняк поближе дотолкать.

Работали молча: скрежет железа по горной породе не располагает к чесанию языка. Пашка посветил к груди забоя, там лучи двух фонарей чертили световыми циркулями серую завесу пыли.

– Пашет Пета. Он изменился после того случая. Помогла, видать, порка...

* * *

Камсатов пришёл к ним в бригаду из другой пару месяцев назад: оттуда его попросили за драку, хотели совсем выгнать. Петру лет 27-28, шесть из них сразу отсидел за грабёж. Три его старших брата с малолетства и с редкими передышками смотрят на белый свет через четырёхрогие ёжики колючей проволоки. Мать-старуха одна у него родственница на свободе, пенсия небольшая, кормить детину взрослого не в состоянии... И пошёл Пета мантулить в забой. Работать он может, но вот понятия лагерные мешают жизни и работе.

Шахтёры в матерщине виртуозы, загнуть могут в небоскребы этажей, и слово «козёл» в частом употреблении, но без лагерного второ-

го значения. Пета же никак этого уразуметь не мог и на каждое обращение к нему именем бордотого рогатого животного угрожал кинуться в штыковую атаку то лопатой, то ломом. И ударил одного парня по каске и по спине подборкой...

Когда его перевели к ним, бригадир Семён предупредил Лукича.

В первую же смену Лукич провёл беседу, только пришли в забой:

– Петро, послухай меня. Ты, говорят, шибко благной и на слова некоторые реагируешь, как бык на красную тряпку. Пойми, мы-то не блатные, а работяги. Бывает, што-то не ладится, слова вылетают нехорошие. Но это не лагерному, просто привычка. Усек?

Пета поднял голову от забутовки:

– Я-то усёк. Но и вы усеките, што меня шесть лет учили за козла сразу резать.

Лёха встрял:

– А ты переучивайся! Тут не лагерь, а забой.

Лёха не зря влез в разговор: у него словцо это часто выпрыгивает изо рта, особо когда с похмелья, да и у Лукича проскакивало. Пашка такими определениями не злоупотребляет: у него брат тоже мотаёт не по первой и в паузах промеж посадок просвещал младшего.

Через неделло примерно произошёл первый инцидент.

Крепили круг, Пета уронил затяжку вертикально Лёхе на ногу, тот от боли заорал:

– Козел, ты чё, граблями своими удержат ничего не можешь.

Пета спрыгнул с настила, да так реактивно, ухватил кусок породы с острыми гранями... Плохо бы кончилось. Павел рядом, действовал не раздумывая – цапнул рванувшегося Петра за шахтовую спецуру сзади и дёрнул назад. Камсатов буксанул сапогами по породе, как грузовик на глинистой дороге. Оглянулся, зло фиксы засверкали в фонарном свете:

– Ты-то чё впрягаешься, лошкойойник, студент зачуханный!

А в правой руке оружие пролетариата.

Тут уж Пашку закусило:

– Пета, ты сам за базаром не следишь. Так вот я тебя предупреждаю: ещё раз услышу в свой адрес подобное, как ту ложку тебя согну – разогну и сломаю. Не веришь? Я тебе счас это продемонстрирую, и породина не поможет.

В Пашином голосе такая гроза клокочет.

Пета одумался, разжал ладонь, посмотрел прямо в свет:

– Ладно, Пахан, чё ты, в натуре... Я кипятын. Но и он пусть помело своё прикусит.

Лёха подытожил:

– Всё, кончаем! Бугор идёт...

Лукич всё же узнал; Лёха сам, скорее всего, и рассказал. На другой день спросил у Паши:

– Что у вас за стычка получилась с Петром?

Выслушал задумчиво:

– Да, придётся, видно, лечить парня. А Лёхе я втык дам, чтоб тоже с языком своим поаккуратнее был.

Паша не понял про лечение, но уточнять не стал. И вот месяц тому лечение стало неизбежным.

Лёха с Петой несли ножку, в ней весу пуда четыре – такая профильная железина, плавно закруглённая вверху. Они ставятся по бортам забоя, сверху кладётся на них и в них огнива, крепится хомутами на болты, получается круг, его уголками соединяют с предыдущим и вкруговую перекрывают досками, по-шахтёрски затяжками, ограждая от падения породы.

Грунт выработки – не паркет элитных гостиных, а и там спотыкаются; ямка, а может, камень под ногу – и Пета хроманул левой, ножку выронил из руки. Он шёл сзади. Несли не на плечах, в опущенных руках – ножка изгибом у Петы вырвалась и пошла клониться, выворачиваясь к грунту. Лёха от нежданки такой тоже выпустил свой конец; металл застремился вниз, собирая складкой штанину, сапог и кожу под ними, – хорошо, ступня не попала. Ну и выдал Лёха такие словесные пассажи, где «козёл» звучало как нежный эвфемизм слову из лексикона Никиты Сергеевича в адрес художников и скульпторов.

Павел готовил прямок под ножку. Услышал рёв, обернулся – они метрах в восьми-десяти. Лёха сидит на левой ноге, нянчит отставленную правую. Паша из виду выпустил Пету – он на окраине света, – а летящий в Лёху топор хорошо разглядел. Топор летел, крутясь беспорядочно в обеих плоскостях. Лёха, с пужком, не шибко проворен, а в данный момент как хороший боксёр унырнул от летящего оружия. Упал топор, звонко залязгал по породе лезвием...

Лукич был ближе и понял, что этим не ограничится. Когда Пашка подбежал, бригадир уже выкрутил лом из рук Петы и держал его своими клешнятыми за грудки, собрав в ладони всю рубашу от ворота до подола. Он сам в рубашке – жарко при работе, рукава зашучены выше локтей, буграми и длинными холмами пучились мышцы, волосьём крытые. Пета искажён лицом, глаза по-крысьи краснят отсветом светильника бригадирского.

– Ну всё, парень... Придётся тебя лечить по-шахтёрски. Иначе ты кого-нибудь убьёшь, и сам под вышак пойдёшь...

Ловко и быстро перехватил правой Петра за ремень штановый. Тот приподнялся, повернулся – и уже лежит на спине, каска упала с головы, фонарь выскочил из зацепа, уткнулся светом в грунт.

– Лёха, иди сюда... Потом выть будешь – нога-то не сломана, надеюсь. Да быстрее!

А сам в наклоне держит лежащего:

– Ну-ка, давай, голубок, на живот, – и рывком перевернул Пету. – Пашка, держи ноги, а ты голову. Я лекарство принесу...

Паша пока понять ничего не может, но послушно прижал ноги Петы к земле, стоя на коленях. Прихрамавший Лёха сел ему на голову – и, диво, Пета лежал без сопротивления, тоже не понимал.

Бугор принёс подборку, не большую самую, чутко поменьше и с обрезанными бортами.

– Держите? Покрепче держите! Получай, друг ситный, во излечение души и усмирение духа...

Живая плоть и бездушное железо – плоть угнетается, железо торжествует. Лукич перпендикулярно к наказуемому замахнулся, удар чавкнул по мягкому, как камень не в воду, в болото. Лопата хоть и урезанная, а всё одно в размер обеих полуполиц нежирного Петы. Первый этот удар вздул ярость в Петра, он рванулся телом, ноги под Пашкой в судороге задрывались, а из-под Лёхи, задавленно звуча, извергся поток угроз: «Ну, твари поганые, завалю я вас всех!»...

Ещё хлопок и чавк тела. Пыль из робы заискрилась в свете трёх фонарей.

– Лёха, тебе всё, не жить больше!

Лопата в одном ритме заходила по амплитуде замаха.

– Я вас поодиночке всех выловлю и порежу... У, гады!

Пета смолк на десятом ударе.

После двенадцатого Лукич бросил лопату:

– Всё, отпускайте... Пусть полежит, подумает.

Часа два до конца смены работали втроём и молча. Лёхе залили йодом и забинтовали длинную полосу от коленки до выступающей косточки над ступнёй соскобленной кожи – хромал, морщился, но работал наравне, старался, чуя и свою вину.

Перед съёмом с работы, прибрав инструмент, подошли к лежащему Камсатову. Лукич присел рядом:

– Петя, вставай. Идти пора, смена кончилась...

Помолчал:

– Я тебе, случаем, мужского ничего не отбил? Ну, вставай, вставай...

Петя зашевелился, повернулся набок, охнул невольно.

– Пашка, Лёха, помогите встать человеку!

Те готовно подняли Петра. Лёха надел ему каску, поднял болтавшийся ниже пояса фонарь, прикрепил защёлкой в касочное отверстие.

Голос у Петра спокойный оказался, когда заговорил:

– Мужики, не надо об этом болтать никому. Если растрешите, тогда точно порешу вас.

– Ты, парень, не попугивай. А трещать никто не будет, слышали все? А тебе, Лёха, скажу: ежели язык свой поганый не укоротишь, то и тебя полечим, так будет справедливо. У нас коллектив, и мы в шахте, а не на полянке ягоды собираем. Не дай Бог, што случится... Мы друг друга выручать должны! На этом закончим, и думаю, такое больше не повторится. Если спросят, как да што, скажи: с настила упал прямо задницей на породу.

– Пошли! Вон смена уже идёт, – заторопил Лукич.

Петя осторожно ступал при ходьбе, он Павлу потом говорил, что мать лечила отварами и травы прикладывала.

Больше конфликтов не было, но Петро стал неразговорчив; и в сторонке...

* * *

Последняя дневная смена, завтра выходной. Все как обычно – наряд, мойка, клеть и забой. Утренняя не добурила, осталось пару рядов добить, а потом придёт взрывник, рванёт заряд, и станет штрек на метр длиннее.

Больше двух часов проваландались: то колонок барахлил, потом штангу сломали, обломыш в шпуре остался, пришлось рядом бурить. Пришёл взрывник Василий, седоусый краснолицый хохол. Паша его знает, приходится иногда носить сумку с аммонитом, взрывнику положено только капсули доставлять в забой.

Василий с Лукичом заряжали, соединяли провода. Потом все ушли за поворот штрека. Вася просвистел и крутанул машинку. Паша зажал уши – тугая волна прошла по ним, как цунами. Он вспомнил: по осени было дело, находился в сбойке, не слышал свистка – рвануло так, что почувствовал, как уши норовят оторваться от головы, а голова, следом, – от туловища.

С полчаса ждали, пока газы выветрятся, мужики с утра нарастили рукав вентиляции. Василий проверил отсутствие недочётов, пожелал всего-всего и отбыл.

Зазвенели цепи вагонеток. Из-за поворота не видно электроваза, но это он привез порожняк, Лёха пошёл отцеплять. Готовились к отгрузке. Лукич проверял загребушую погрузочную машину. Пашка ждал Лёху, присев на затяжку, – им кантовать вагонетки. Пета у борта с инструментом возится. Паша смотрел в сторону квершлага, куда Лёха ушёл. Свет его фонаря пронизывал тьму, но она, первородная, могучая, пожирала слабый лучик, он исчезал в ней, не достигнув ничего.

Нет, он не исчез, не сожран подземным мраком: навстречу пробился слабый, рассе-

анный туманец света, ширился, ещё светлел и пыхнул звёздочкой, колышущейся в невесомости; звёздочка росла, от неё потянулась яркая нить, соединилась с Пашиным лучом. Паша покачал головой, и лучи заиграли на путях, на кровле, дразня побеждённую тьму.

Лёха подошёл:

– Ну, што, начнём?

– Начнём.

Павел встал, когда глухой удар и треск раздираемого дерева дернул их головы и фонари в направлении звука, лучи шарили по кровле. В одном месте, в паре десятков метров от них, в щель меж затяжек сыпался ручеек и две затяжки выгнулись вниз дугой...

Подошёл Лукич, за ним Пётр.

– Лукич, што это?

Дробь слабых ударов сыпанула по кровле.

– Купол это, ребята. Давайте отойдём от греха.

Разом повернулись и пошли молчаливо-встревоженно. Такие удары в шахте вызывают естественное беспокойство: люди здесь чужаки, пришьельцы, и матушка-земля может наказать. Подходили к поворотному кругу, сзади громыхнуло мощной отпалкой, давя уши. И они помчались вперёд – к груди забоя, к своей пэпэмке, там виделось спасение. Их догонял грохот, стук катившихся глыб и металлический стон корёженных вагонеток.

Странно, они стояли под незакрепленной кровлей, но даже не посмотрели у себя над головой. Здесь, где кончается искусственно прогрызенный ход и несокрушимо стоит монолит земной тверди, матово отражающий при освещении, им казалось безопасно.

Минуты, не больше, длился сход купола, но не земные, иные, длинные, не поддающиеся учёту. Стихло разом, пала тишина. Жуткая, могильная. Нигде не капнет вода, ничего не стукнет. Только пыль бесшумно зависла в пространстве, она вытеснила весь воздух, и сразу у Пашки затруднилось дыхание.

Вентиляция! Если передавило вентиляцию, а её обязательно передавило, то всё, им скоро крышка.

– Лукич!

Они стояли рядом, прижимаясь друг к другу и к пласту. Бригадир – крайний, у борта. К Пашке мягким телом жмётся Лёха, дальше – Пета.

– Лукич, вентиляция...

– Да я уж думаю об этом. Пойду посмотрю, вроде стихло.

– Ты осторожнее.

Как в мутную воду, вошёл в плотную кисею и через несколько шагов слился с ней. Только желтоватое скачущее пятнышко обозначало путь бригадира. Пыль медленно, но оседала, и дышать становилось легче. Павел ни о чем

не думал, да и страха особого не было, только в первые мгновения. Бригадир что-то смотрел – едва различимый комочек света мельтешил туда-сюда, – вернулся не скоро.

– Признавайтесь, соколики: за кого из вас крепко Богу молятся и любят сильно, а? Наверное, за тебя, Паша?

– Почему именно за меня?

– Ну, как же, мы с Лёхой старше, больше грешили, давно женаты, любовь потускнела. Петро тоже грешник, будь здоров. А ты самый молодой: сын недавно родился... Признавайся: ты самый счастливый?

– А что случилось-то? Причём тут счастье?

– А притом, что вентиляция работает – вполдыха, а работает. Значит, будем жить, и нас откапают.

– Точно?

– Точнее не бывает. Идите и посмотрите сами.

Совсем близко идти – обогнуть погрузочную машину. Под ногами большие куски породы, гуще, чаще – и всё, упёрлись ноги в террикон, уходящий в кровлю. Склон его обрезан кругом с согнутой вниз огнивой и торчащими, как оскаленные зубы, досками; ближе к забою круга – целые. Сколько их? Паша светом считал – одиннадцать. С последним, незакрепленным, двенадцать – счастливое число.

Гора высыпанная закрывала всю выработку по ширине, справа незасыпанной осталась одна вагонетка, на боку, со вмятиной. А вот слева, у борта, метра на два высовываясь из масляно блестящей массы, трепыхался брезент рукава вентиляции. Значит, вентилятор местного проветривания работает – там, за завалом. А значит, они будут точно жить. Если, конечно, не сыпанёт ещё и не погребёт их тут насовсем.

Опять подошёл бригадир:

– Ну, што, видите?.. Я думаю: затяжки упали на пожарный став, прижались, придавили рукав.

Лёха впервые с обвала подал голос:

– И дальше что, бригадир? Откапываться будем?

– Как ты себе это представляешь?

– Полезем наверх, потихоньку начнём отгребать завал...

– Ага. А если купол не весь вышел? Дашь ему толчок – и тогда уж никакой могилы не надо, готовая будет – братская и глубокая.

– Тогда предлагай что-нибудь.

– Пока ждать и думать... Машина не работает – видно, кабель рубануло.

– А ты что, Лукич, хотел пэпэмку развернуть и на ней поехать сквозь завал?

– Мало ли чего я хотел... Но с хвостовиком я её не разверну – чем поднимать его потом?

«Сучки» у нас нету. Так... Лёха, вы с Петой, как всегда, сожрали забутовки?

- Ну, кто ж знал, Лукич.
- Ладно, Пашка, твоя где?
- Да вон, как всегда, в приямке.

– И моя цела... Не жрать! Неизвестно, сколько нам здесь сидеть придётся. Проверьте фляжки...

У всех чуть отпиты, только Лёха – водохлёб успел свою ополовинить.

– Давайте, мужики, пока отдыхаем, сил набираем и мозгуем... Телефон тоже под завалом остался. Свет выключить и включить только в случае крайней необходимости.

Они вернулись на отпаленное пространство, сели на подложенные под зады верхонки, выключили светильники.

– Нет, всё же я испугался здорово, сам себе в этом не признаюсь. Конечно, такое ощущение, что все подземные силы против нас ополчились. Хорошо, если сразу породиной убьёт, а то завалит штрек полностью и будешь медленно от удушья умирать... Так... А что же придумать? Ясно, нас будут откапывать. Но сколько метров обрушилось? Если до самого квершлага, тогда неизвестно, выживем ли?

Тихие бульки насторожили ухо. Лёха сидел рядом и чуть боком. Паша поднял руку, повернул ребристое колесико фонаря. Лёха запрокинулся кадыком вверх и вливал чай в ненасытную свою утробу.

- Ты чё, гад, делаешь?
- Засветились фонари Лукича и Петы.

Лукич дотянулся, вырвал фляжку у Лехи, прыма с губ сорвал.

- Пустая..
- Лукич, дай я ему засвечу породиной в лоб!

Это Пету прорвало, молчал до этого.

– Тихо. Не хватало нам здесь конфликтов.

Лёха, я же сказал – воду экономить.

- Жабры у меня горят...
- Значит, ты свою пайку выпил.
- Ну, выпил и выпил, терпеть буду.
- Чего кто надумал? Паша, ты?

– Ничего определенного. Из инструментов у нас кайло, лопаты, лом, кувалда. Что мы ими можем сделать? Пробовать выпустить остатки купола – неизвестно, что из этого выйдет. Да и может передавить совсем вентиляцию, тогда кранты. И крепить у нас нечем, вся затяжка под завалом.

– Ну, студент, всё раскумекал, молодец. И что, сидеть и ждать? А у меня, между прочим, завтра жену из больницы выписывают, и мне надо её забирать.

– Лёха, ты не таракхи. Пашка разумно всё обсказал. Ты сам что предлагаешь?

- Надо откапываться, рыть ход...
- А чем крепить?

- Разберём вот эти круга.
- А вдруг тут сыпанёт?
- Петро, а ты чего молчишь?
- Да што я могу сказать? Я недавно в шахте. Как вы – так и я.

Лукич итожил:

– Значит, решаем так. Пока ничего не предпринимать. Думать дольше, отдыхать... Жаль, фуфаек нет у нас, свежее становится. На породе не лежать – она тепло тела вытянет. Вон из ближнего круга вытаскиваем затяжки и на них ложимся.

Каждый принялся для себя готовить ложе. Пашка разгрёб сапогами породыны, уложил три доски, сверху постелил шахтовую толстую куртку, ранее висевшую на уголке меж кругами, пододел свой ещё стройотрядовский свитерок. Можно ложиться – гасим свет. Угломонились. Мрак объял всё – глубинный, такого на земле не бывает, он ошутим, плотен, враждебен.

– Надо думать о чем-нибудь хорошем, тогда легче заснуть.

* * *

– Хорош дрыхнуть, лежебоки!
Бригадирский басовитый голос раздразнил подземельную тишь и звучал от завала.

- А кто дрыхнет, я лежу и думаю...
- Как бы пожрать, да?
- И совсем я жрать не хочу. Так если – чуток перекусить.

– Лёха, право слово, тебя легче убить, чем накормить и напоить. Здоров ты на то и другое, работал бы так.

- Что, я плохо работаю?
- Ладно, шучу, настроение вам поднимаю. Петя, ты есть хочешь?

– Нет, обойдусь.

– Не надо так говорить. Пашка, неси свою забутовку, мою оставим на НЗ. Поди, не сожрут крысы, я их што-то и не видел сегодня.

– Их уже вчера не было. Умные они, заранее чуют и уходят. Я в лагере, в БУРе, одну приучил, она у меня с рук ела...

- И не брезговал?
- Чего ими брезговать? У нас один артист был, зубами их ловил. Так вот, крыса эта всегда уходила ровно за пять минут до обхода.

Паша принёс из приямка свёрток.

- Чего у тебя там?
- Как обычно, колбасы 200 грамм и хлеб.

Лукич взял у него забутовку, развернул. Порезана – как раз четыре кусочка.

– Мужики, воду экономим. Пока нет сильной жажды, не пейте. Без еды протянем долго, а вот без воды быстро очокуримся.

Четверым здоровым мужикам по полстаграммовому кружляшу колбасы зажевать – только желудок раздразнить.

- Чем теперь будем заниматься?
- Давайте анекдоты рассказывать.
- Петро, ты, поди, их много знаешь?
- Знаю.
- Тогда травы.

Пашке хотелось побыть одному, обдумать свою жизнь, он чувствовал, что не совсем оказался готовым к крутым переменам в ней. Собрал затяжки лежаночные, куртку, пошёл по правому борту, дошёл до лежебокой вагонетки.

– Здесь, что ли, лечь? Нет, тут опасно: от металлы камни будут отскакивать, могут пришибить.

Вернулся назад, но не к забою, круга за два, тут меньше слышно нелюбимые им похабные анекдоты. Расстелился, лёг и выключил свет.

Голос за машиной негромко, но эмоционально повествовал, часто гусиным гоготом пыхал смех, у них горел один светильник...

... Сон сдался, только когда глухо застучало прямо возле уха. Каску он снял, в ней неудобно лежать. Шарил со сна в темноте, нащупал, выдернул фонарь из зацепа, включил и направил туда, к завалу, понимая уже, что скверное событие произошло. Свет вяз в кисее пыли, но он увидел: вагонетка, у которой хотел лечь, засыпана почти вся.

«Сыпанул ещё купол. А где мужики? Неужели спят крепче меня, ничего не слышат?».

Надел каску на тонкий подкасок из маминого чулка. Встал, вставил свет на место и пошёл за погрузочную машину – туда, где должны находиться товарищи. Огибал машину со своей стороны и сразу увидел – нет никого, доски лежат, курток нет, фляжка прислонена к борту, в чехле Лукича.

Сознание не могло принять мысль, отшвыривало страшную, а та нагло лезла в мозг: «Они там... Пошли пробивать завал, и их засыпало»...

Пету нашёл первого: лежал он головой вниз и к забою, фонарь, может, и светил, но вниз, не видать. Щёлкнуло и включилось в мозгу Павла нечто неподвластное ему в тот момент – жёсткое, рациональное, давящее эмоции. Не поверилось бы в другой ситуации (ему, не могущему поднять топор на курицу для ради пропитания), что он будет спокойно стягивать руками и заматывать бинтом Петино расползшееся, как от удара опасной бритвой, мясо, под которым видна повреждённая белая-белая на сером и чёрном с кровавым подмесом кость, на бедре пониже ягодицы. И что будет давить ему безжалостно спину коленом и материть, а потом разорвёт его брючину из толстого шатёрского материала до ремня и наложит жгут из своей распушенной на лоскуты рубахи в дезинфицирующих разводах соли.

Ты же цепкий и жилистый, Паша – ну, давай, давай, тащи ещё и Леху! А сначала выгребь его своими пальцами из кучи породы... Тащи, кому говорю, да не лопнут твои жилы на шее!.. И тащил он Лёху – с левой его рукой, в локтевом сгибе намертво прижатой к разбитому лицу.

А с Лукичом – что? Подумаешь, прижало к борту здоровым куском породы – жив ведь, хоть и залито лицо кровью, а каска старого образца, как черепаший панцирь, треснула подолье, и фонарь разбит... Не осилишь руками – ломик для чего? Только аккуратно, не повреди Лукича. Отвалил глыбу – уже радость. Туда же и Лукича – за машину, к забою.

Всех вас, ребята, уложу на затяжки, никого не оставлю в завале! Хотя вы, гады распоследние, пошли одни – меня, значит, молодого оставили, пожалели...

Лукича когда тягал, тот ещё извинительно шамкал запеклыми губами: «Паша, ты уж прости меня, само вылилось, не сдержал». Это он подумал, что Пашка сморщился от запаха мочи – чудак, гримаса нагуги так лицо меняет. И он ответил: «Лукич, и прекрасно, што вылилось, радуйся. Вот если бы не вылилось, а лопнуло, хуже было бы»...

Нога Лукича мешала тащить – правая завернута внутрь неестественно, сапог покинул её, такую, и белая портянка, размотавшись частично, шлейфом шуршала по блестящей, как ртуть, темно-серой осыпи...

Он даже не озаботился, обнаружив, что рукав вентиляции, огрызок метровый, плосок почти. Не задохлись сразу – значит, и дальше не помрём! Атмосфера, конечно, та ещё – сыро, влажно и духота...

Паша работал по пояс голый. Рубаху – на бинты; курткой укрыл Лёху, свитер снял. Щипучий пот тёк аж по ногам, под портянки, а у пупа поперёк живота, мешаясь с грязью, образовал приборную полосу.

Уложив всех (Пету – лицом вниз, стонущего и скрипящего зубами в доски), снял с них каски. Рабочий светильник остался только у Петра. Проверил фляжку. Лёхина сплюснута и пробита, да там и было остатков, может, с глоток. Итого – три неполных. Поить с копачка – протянуть подольше...

Эх, воды бы хоть прямочной – обмыть раны. Как назло, в прямке под ногами вода всегда хлюпала, а сейчас сухо. А может, и к лучшему. Вода грязная, занесу инфекцию. И раны не стоит трогать, пусть коркой покроются и подсохнут.

Кровотечений сильных ни у кого нет, он осмотрел поверхность. У Лёхи развален нос и рот, зубы наверняка повышибало – молчит, не стонет. Рука у него точно сломана, и ещё что – неизвестно.

Присел Паша на затыжку, прислонил голое плечо к прохладному металлу и упал в сон – в яму, в небытие – пружина сжатая чуть сдала...

– Пить, Паша, дай пить...

Глаза рванулись веками в открыв, будто и не спал. А может, и не спал – просто мозг заблокировался. Рука автоматически включила свет. А когда успел выключить?

Петя просил воды. Осторожно Паша повернул его на левый, целый, бок, влил в рот колпачок. Рот как у птенчика жаждущего растворён, пришлось ещё колпачок туда залить. По-видимому, у Петы температура поднялась, лоб горячит руку.

– Паша, наклонись поближе...

И боковым зрением увидев склоненное к нему лицо, заговорил полубредово, с паузами:

– Паша, я тебя... хотел порезать... тебя... одного... за ту казнь...

– Почему так избирательно, именно меня?

Паша отвечал тоже тихо.

– Честно говорю: завидую тебе...

– Мне? Да в чём мне можно завидовать?

– Я вас... видел с... женой. И видел... как она на тебя... смотрела. Ты... умный... здоровый... жена... ребёнок. А я, што... я такое...

Петя зачистил лихорадочно, уже без пауз:

– В детстве пьяные скандалы отца, потом братьев, воровство, грабёж, лагерь. Я первую получку получил здесь, на шахте. Матери отдал. Она так удивилась. Сидит за столом, считает, а слёзы заливают руки с деньгами... И у меня душа заплакала, Паша. Я гадина, паскуда последняя, только первый раз честно заработал деньги. И тебя не смог порезать, потому что ты мне сколько раз фляжку с чаем отдавал, когда у меня колосники горели, а не каждый даст, поверь мне... И вообще у вас всё по-другому. Правильно вы меня лечили, иначе убийством бы кончилось. А я жениться хочу...

– Петро, да всё у тебя будет. Ты стал шахтёром, а настоящих шахтеров девки любят...

Петя не отвечал. Освещенное лицо его склонилось через плечо к доске, глаза закрыты, рот безвольно уронил нижнюю губу.

«Плохо дело, жар у него. Жгут я снял, кровить вроде меньше стало. Жалко, аптечка у фидеров осталась. Чего одним бинтом сделаешь...».

Закашлял Лукич. Кашель всхлипывающий, с выхаркиванием. Паша повернулся к нему. У Лукича летели изо рта брызги крови и розовая слюна.

– Лукич, давай я тебя на бок поверну.

Он подышал широким в раззяве ртом, губы открывали кончики окровавленных зубов. Так, не закрывая, и продышал:

– Не надо, Паша. У меня внутри што-то раздавилось – если на бок, совсем оторвётся. Помнишь, когда ты к нам в бригаду пришёл, я

тебя разыграл? Не хочу, чтобы ты обижался...

– Лукич, прекращай ерунду говорить. Какие обиды? Я жил в студенческом коллективе, в общаге, и прекрасно понимаю, что такое розыгрыш. Давай я тебя попою.

Залил по каплям две крышечные мерки. Лукич закрыл глаза, рот не закрылся.

* * *

Тогда его разыграли красиво. Работали в утреннюю смену, до конца часа полтора оставалось. Лукич сходил к телефону. Возвращается, подходит к нему, серьёзен:

– Паша, звонили из лаборатории, надо отнести кусок породы на анализ. Там какие-то сложные анализы должны делать, так что побольше возьми породину – да вон ту!.. Поднимешься, сдашь в лабораторию, на втором этаже. Время – первый час. Пока выйдешь, сдашь, то, сё, можешь сдавать свет – и в мойку. Всё понял?

– Всё.

– Ну, бери и топай.

Ну, и взял кусмяку килограммов в пятнадцать весом Паша, потопал. По ровному штреку – нормально. А ещё – ходок. Глубина шахты 500 метров с гаками, надо вылезти вертикально вверх. Деревянная крутая лестница метров пять, перекрытие, люк, дальше следующий пролёт... Не считал Паша люки и свои передыхи, но когда вышел на-гора, ножонки треморили, как руки алкаша. Последний передых – и пошёл к комбинату, в руках предмет анализа...

Сидящие в сторонке от руддвора шахтёры в рабочем сыпанули хохотом. Тогда только понял, что его разыграли. А ведь даже и тени сомнения не было, нужна ли для анализа такая прорва материала, вот тебе и химик... Три дня ноги не гнулись в коленях – ходульно передвигался, переламываясь при сгибании. Ну, а все же полезно – для общего развития организма...

* * *

Время подземное иной категории, чем там, где Солнце; оно течёт по-другому или вообще стоит. Пружина в Пашином теле сжалась, звенела в напряжении, чуть ослабляясь моментами сидячего забытья. Товарищам то становилось хуже, то они забывались сном или убёгом сознания от боли. Только Лёха окаменело лежал. Паша пытался лить ему чай в коросту на месте лица – чай стекал, и Лёха молчал... Пробовал кормить их из Лукичовой забутовки – с руки, давленной в пальцах котлетой, вкусной, домашней. Не брали. Сам съел одну, силы нужны.

Теперь ты медбрат и не криви рожу: надо – и обихаживай жидко обмаравшегося Лукича, и Пете помогай справиться нужду. Он ни о чём

не думал – и некогда, и отключил думательный центр. Он просто был рядом со своими товарищами, они в беде – и он помогал им, чем мог, а мог мало.

Очередное поение закончилось, осталась последняя неполная фляжка. Паша уже боялся касаться плечом чего-нибудь, когда присаживался: сознание может просто уйти из-под контроля, и тогда он уснёт на сутки, на двое. А с ними что будет за время сна?..

Петю опять положил на бок, а тот неожиданно попросил:

– Паш, я раз слышал, ты пел какую-то песню, вроде «иду по дороге»... Чё-то там блестит... Я тогда не расслышал, чё блестит. Спой, а?

– А, наверное, «Выхожу один я на дорогу». Это романс на стихи Лермонтова.

– Во-во, про дорогу... Спой.

– Ну, ладно.

Начал в полголоса, неуверенно:

– Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Бессмертные строки, облечённые в звуки, заполняли замкнутое пространство закупоренной выработки. Мрак недр настороженно внимал, принимал в себя и сглатывал – эха не было. Но голос Павла креп – мужественно переполнил чертог мрака... и темнота слабыми подголосками начала вторить окончаниям слов.

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездой говорит.

Картина жанра фантастики. Пять сотен метров в глубь земли, обваленный кротовый ход, на оставшемся аппендиксе лежат трое изувеченных людей, рядом с ними парнишка сидит, голый по пояс, упёрся гаснущим светом фонаря в борт... и поёт громко, с вызовом – и не боится ни глубины, ни темноты, ничего.

Паша разошёлся, спел потом «Я встретил вас, и всё былое», «Вот мчится тройка почтовая» и есенинские романсы. Когда ещё доведётся петь для столь благодарной аудитории! Вот такой сольный концерт «во глубине сибирских руд»...

* * *

Не выдерживала пружина сжатия, сознание мерцало на угасании, когда он услышал шум... Или почудилось? Стоял у погрузочной машины, повернул светильник с головой к завалу, обшарил всё тусклым светом. Нет, без изменений.

Ещё время прошло. Опять шум – может, в ушах! Да нет, железо о породу лязгает. И возник свет под кровлей. Потом зашуршала породная масса – неужели опять высыпется? Уже не верилось в хорошее. А свет чертил кровлю, множился.

Паша сел прямо на грунт, но уснуть не дал голос:

– Эй, есть кто живой?

– Всё, мужики, нас откопали...

Хотя знал, что они в отключке все и вряд ли слышат.

Пошёл на голос. Грузная фигура скатывалась сверху. Скальный обрубок челюсти под козырьком каски – Котов.

– Пашка! Зотов, живой, бродяга! А Лукич, мужики?

– Вон, за машиной лежат. Живые, только поранены сильно... Скажите, Сергей Иванович, сколько мы здесь пробыли?

– Четвёртые сутки доходят, Пашенька. Ты сам-то дойдёшь? А ребят сейчас выносить будут.

– Я помогу.

– Иди-иди... Помощник, на ногах еле стоишь. Хлопцы, помогите парню!

Сверху набегали светильники, скатывая осыпь. Пашку взяли двое под руки, потащили вверх.

– Мужики, да я сам в состоянии, я не ранен.

Но отпустили его уже по ту сторону завала. Много народу, техники, всё гремит.

– Паша, ты дойдёшь до ствола?

Знакомый кто-то, из спасателей, а мозг не узнаёт.

– Дойду.

На программе автопилота дошёл. Клеть ждала. Клетевая смотрела скорбно, но ничего не спросила. Приехали. Вышел Пашка из рудного двора. Шибко резок Божий свет для отвыкших глаз – он закрыл левый, а правый прикрыл. Пустынно. В щелочку глазную видно всё прилегающее к руддвору пространство. Там что? Две «Скорые» стоят. А там? По широким ступеням лестницы от комбината бегут!.. Степановна, Лукичова супруга. За ней высокая полная молодка – не Света ли, вот Пете подарок... А за ними? Мама, мамочка, рядом Ленка, на руках сын, в синих ползунках, видать, новые, таких не было...

Из-за облака выкатилось Солнышко, вошло в прищур глаза и... покатило со слезой. Павел закрыл и этот глаз.

К нему бежали уже и от «Скорой», а он стоял с закрытыми глазами и слёзы выкатывались из-под век часто-часто...

От Солнышка слёзы? А может?..

Может, Пашка, ещё как может! И не надо стесняться. Это жизнь! Горькая и сладкая, но всегда прекрасная!

Выжили! Лукич, Алексей, Пётр...

(Полностью повесть можно прочитать на авторской странице Виктора Коняева. Интернет-портал «День Литературы»).